

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ РОССИИ

Мустафа Тлили

СВЕТ ПЕСКОВ

Языки славянской культуры

Москва

2012

УДК 82-311.6=03(02)"+"(532)

ББК 84(7)

Т 49

*Перевод и подготовка к изданию осуществлены
при финансовой поддержке
Фонда «Взаимодействие цивилизаций»*

Перевод с французского С. В. Прожогойной
Литературный редактор И. М. Шевелева

Т 49 **Свет песков** / Мустафа Тлили; [перевод с фр.
С. В. Прожогойной]. — М: Языки славянской культуры,
2012. — 240 с.

ISBN 978-5-9551-0582-6

В романе широко известного на Западе писателя, написанном в форме классического детектива, представлена трагическая история поиска своего места в жизни мусульманского интеллигента. Герой романа уже нашел это свое место в пространстве западной цивилизации. Он процветающий врач, живущий и работающий в Америке, женившийся на красивой девушке из американского высшего общества, у которого, казалось, не должно быть никаких проблем. Но он обращается к поискам своих корней в духовном мире предков, откуда он так далеко ушел, и попадает в мир ближневосточных террористов.

Читатель идет по следам героя вместе с рассказчиком, расследующим эту одиссею, и неожиданно обнаруживает, что частная любовно-детективная история непосредственно связана с конфликтами, трагедиями и террористическими актами, о которых он регулярно узнает из средств массовой информации.

УДК 82-311.6=03(02)"+"(532)

ББК 84(7)

Перевод осуществлен по изданию: Mustapha Tlili. Gloire des sables. P. Gallimard, 1987.

ISBN 978-5-9551-0582-6 © Tlili Mustapha, 1986

© Институт востоковедения РАН, 2012

© Языки славянской культуры, 2012

© Прожогина С. В., перевод, 2012

Мириам, моей дочери

Эльзе также, как всегда

«Ужас, ужас!»

Конрад

ЧАСТЬ I

Когда я сегодня думаю о случившейся трагедии и пытаюсь как-то объяснить ее для себя, основываясь лишь на опыте того трехдневного общения с любимившейся мне семьей, гостя у них в Рияде, я не могу даже представить себе, как глубокий, цельный, мыслящий человек Юсиф Мунтассер, с которым я познакомился в Рияде, мог погибнуть так чудовищно.

Что это было? Реванш Востока? Отмщение за Алжир, за свою родную землю, независимость которой он отстаивал во Франции, сидел в тюрьме? Зов родной степи? Вышний глас Корана? Неизбывная песнь детства? Но всё казалось мне чем-то прожитым Юсифом давным-давно и оставшимся, скорее, в сфере эмоциональной, глубоко в подсознании, за пределами его реальной экзистенции, уже чем-то не связанным лично с ним напрямую. Уже «нейтрализованным», растворенным в некоей двойной ирреальности.

Ибо всё это относилось уже не только к давно прошедшему, но и само это прошедшее казалось и ему самому чьей-то чужой былой жизнью. Не своей, которая умерла, не оставив и искры в до-

горевшем костре, ничего, что могло бы повлиять на его настоящее... Да, именно так, и Юсиф, с которым я общался те три дня в Рияде, даже если пары алкоголя и туманили нам немного голову в ту ночь, не казался мне человеком, у которого могла быть какая-то иная жизнь, кроме той, американской, которой он жил (в Манхэттене, в основном).

Да, Манхэттен, казалось, и стал его новым и единственным прошлым, его новым пламенем, каким горела его душа, новым источником вдохновения, творившим и его особую чувствительность, и его лиризм, с которым он говорил обо всем, что любил, и эту его способность мечтать и отрываться от тягот и забот настоящего. Надо было видеть его вдохновенные глаза: они словно блуждали во вселенской черной бездне, вдали от собеседника, в поисках то ли прекрасного видения, то ли мелодии, за эфемерность которых он хотел бы зацепиться, чтобы и самому стать плотным, неуязвимым...

Манхэттен, говорил он мне, был он сам, похож на него. Он сам был как бы Манхэттеном, волшебным краем, воплощал собой это чудо. Мне и в голову тогда не могло прийти, что он мог оставаться слитым или хотя бы тесно приближенным к иному миру — к Востоку, например. А ведь даже не беря в расчет туман алкоголя, он был — природно, изначально — родственно близок именно Востоку. Но говорить с Юсифом откровенно, со всей правдой и прямоотой о кровной родине было бесполезно. Я быстро понял, что он всей своей очевидностью принадлежит

Западу, и именно *Манхэттену*. Так он сам говорил. Даже не столько самой Америке, но именно этой, ее особо значимой для него части. Ни весь остальной мир, будь он западным или восточным, ни сама Америка, определявшая и его настоящее, и его будущее, но именно *Манхэттен* — начало всех его, Юсифа, жизненных перспектив. Я же сам, да простят мне читатели *Chronicle*, никогда особо не восхищался этим бетонным островом, не ценил сталь и стекло его небоскребов, потому что всё это навевало безмерную тоску и отчаяние, смятение души даже. И я предпочитал в свободное от работы время смотреть на мирные и тихие зеленые газоны и лужайки *Westport'a*, в Коннектикуте, где я жил, недалеко от Океана, в течение десяти лет, проведенных в Штатах, переехав туда из Парижа. Но надо признаться, что когда Юсиф говорил словами, полными любви и поэтического пафоса о Манхэттене, то эта часть мира вдруг преображалась в моих глазах, становилась близкой, понятной, исполненной даже нежности, человечности, не без изъянов, конечно, но как-то по-особому прекрасной, заставлявшей даже меня полюбить ее. Особо тогда, когда его воспоминания о Манхэттене были связаны с незабвенной Энн...

Одержимые Манхэттеном, да и всей Америкой в целом, Юсиф и Энн, но особо он, походили в этой своей страсти на «безумцев Божьих» — тех, чей разум был словно в плену у самого Господа. И трудно было не попасть, признаюсь и я, в этот плен.

Конечно, Юсиф казался истым американцем, глубоко укоренившимся в Манхэттене. Но как же случилось то, что, несмотря на все «объяснения», «разоблачения», «реконструкции» произошедшего, понять невозможно? Как могло случиться всё то, что произошло с Мунтассером через столько лет после его первого путешествия в Аравию?

Читатели *Chronicle*, в котором я описал эту историю, по возможности без прикрас, во всей голой правде, со всеми присущими ей колоритными особенностями, — насколько позволяла атмосфера моих дружеских отношений с семьей Юсифа, — читатели, надеюсь, поймут, что моей целью и не было написать что-то такое сугубо «литературное», любопытное, занимательное, достойное славных страниц антологий, составленных из образцов всякого рода пустых красотей хранителями так называемого «вечного стиля» и «высокой культуры». Нет, у моих писаний другой смысл и повод: ведь я так или иначе оказался в гуще самых важных событий века, беспрецедентных, эхо которых еще не угасло и по сей день, и в буреломе которых погибла ни в чем не повинная американская семья, простые, добропорядочные граждане, соотечественники, близкие друзья.

Я захотел засвидетельствовать эти события сам, рассказать всё то, что лично мне было известно, составить свое собственное досье, которое и до сих пор еще не закрыто, да и вряд ли будет закрыто окончательно. Особенно после всего, что я написал. Но у меня ведь были в руках документы особого рода: письма, исповеди, доверительные

признания, где так или иначе звучат живые голоса — каждый по-своему — этих людей. Поэтому я в своем рассказе изменил имена и фамилии, которые были в официальном обвинении (оставив подлинным только имя Юсифа Мунтассера, уже вошедшее в историю, как и те места, где происходили события). Попытался запечатлеть только самую суть события, в котором отразилась правда нашего времени. Правда времени, как мне и представляется, запечатлена в рассказе об одном американце (хоть и прибывшем в Америку из других мест, как и мы все), которому явно была уготована совсем другая, блистательная, судьба. Но закончил он свои дни в Аравии с огнем в руках, целясь в самого Господа Бога. И был убит. Ошеломляюще загадочно. Не мне решить эту загадку, но берусь прояснить некоторые обстоятельства. Чтобы мой рассказ подвигнул читателей внести свой посильный вклад в искомый всеми ответ.

Глава 1

Никогда не знаешь, какой сюрприз тебе уготовлен жизнью, — это само собой разумеется. И все-таки наше горестное удивление, даже потрясение бывает велико, если на нас лично что-то обрушивается нечто внезапное. Вот так и случилось вечером осенью 1979 года с Диком Кейзи, когда он жил в Рияде. Стояла непривычная для времени года, достаточно свежего в этой части Аравийского полуострова, влажная жара. В тот роковой вечер, когда в Мекке уже «опускали занавес» на только

что потрясшие мир события, какой-то незнакомец, назвавшийся «профессором Хатчинсоном», еще накануне позвонивший Дикю в его Отделение Центральной клинической больницы Рияда, чтобы условиться о встрече назавтра — в отеле «Интерконтиненталь», сообщил, под большим секретом, назвав точное место и время, о смерти его зятя. Юсиф Мунтассер числился в списке повстанцев, уничтоженных силами порядка в Священной Мечети Каабы, — главной святыне ислама.

Незнакомец также объявил Дикю о намерении властей выдворить его, Дика, из Аравии со всеми оставшимися в живых членами его семьи, и о том, что твердое решение будет принято в ближайшие дни. Сразу после того, как секретные службы Королевства с помощью американских коллег, направленных Вашингтоном, установят наличие родственных связей между покойным Юсифом Мунтассером и ним, Диком Кейзи.

✧

Чтобы понять, почему контакт с неведомым «Хатчинсоном» оказался весьма необычным, надо знать, что Дик вовсе не был простачком, который стал бы слушать какого-то незнакомца, пусть тот и величал себя «профессором». Да еще согласился бы на встречу с ним не где-нибудь, а в котельной — котельной! — только представьте себе! — одного из лучших отелей Аравии международного класса. Такие меры предосторожности, ухищрения достойны какого-нибудь шпионского фильма.

Нет, Дик — серьезный и солидный человек, выдающийся ученый, всемирно известный своими исследованиями в области душевных депрессий, психиатр (и в том смысле тоже, который принят у американцев — психоаналитик), поглощенный денно и нощно проблемами своих пациентов. Да еще каких пациентов! А уж о пациентках и говорить-то не приходится: ведь среди них в основном принцессы аравийские! И даже если Дик с родными, близкими ему людьми и хорошими знакомыми (а я льщу себя надеждой находиться в этом ряду) был сама простота, слыл человеком, отличающимся необыкновенной теплотой, доброжелательностью, сердечной щедростью, полным очарования и юмора, то с остальными представителями окружающего его мира — он сам, его семья и близкие ему люди пользовались особым оружием. Дик владел им в совершенстве: умел держать дистанцию и даже обескураживать ищущих с ним контактов упрямец, если, конечно, предмет их назойливых демаршей не касался строго профессиональных случаев.

Но и тогда его правилом было соблюдение строгой иерархии: вначале их «пропускали» через его ассистентов. Самым преданным из тех, кто с ним работал, самым компетентным был д-р Хайдер, психиатр пакистанского происхождения. А его-то и не было уже целый месяц в Рияде. Звонок «профессора Хатчинсона» раздался именно в его отсутствие. Но все равно надо было, чтобы иметь шанс встретиться с такой знаменитостью, как Дик, подчиниться императиву: строго соблю-

сти правило глубокого уважения к бесценному времени ученого, понимание важности дел его, профессора Кейзи, бывшего заведующего кафедрой психиатрии Медицинского факультета Нью-Йоркского университета, а теперь директора психиатрической службы Центральной клинической больницы Рияда. А эта должность и означала то, что он был личным врачом аравийских принцесс.

Вообразите себе Дика накануне его встречи с «профессором Хатчинсоном». Он сидел в больнице в своем «тайном кабинете» (так с доброй иронией называли сослуживцы его любимое рабочее место), плотно задернув тяжелые бархатные бирюзовые портьеры, за массивным бюро в стиле эпохи французской Директории, с ярко горящей настольной лампой. В ее свете отчетливо выделась его массивная фигура ученого, его седая густая шевелюра, беспорядочно ниспадавшая на лоб. Профессор Кейзи вот уже несколько часов был поглощен раздумьями над неслыханным доселе в его карьере психическим феноменом: этой осенью 1979 года в Аравии, ко всему прочему, возникла, по-видимому, вспышка так называемого «казуса Доры». Что за «Дора»? Те, кто знает больше, чем я, простой журналист Стэнли Барлезон, историю психиатрии, те, конечно, помнят имя Зигмунда Фрейда, тогда еще молодого врача, которому удалось вылечить только одними разговорами молодую пациентку, страдавшую истерией, грозившей параличом. Девушка из среды венской буржуазии, ее юную душу раздирали противоречия между долгом сидеть у изголовья больного отца и желанием

предаться развлечениям и удовольствиям своего возраста и своего класса. Конфликтная ситуация, ничего не скажешь.

Однако время шло, и мир эволюционировал... И вот, целый век спустя, вдруг в одном из пышных дворцов Аравии, воздвигнутом где-то на склоне гор под прохладной сенью вечнозеленых лесов, в сказочном краю Тайефа, где сосредоточены самые великолепные резиденции представителей правящего в стране племенного клана, случилось нечто подобное! В царстве Диора, Ива Сен-Лорана, Шанель, Кашареля, Картье и прочих великих специалистов по самому изысканному люксу! Им-то, этим вечным чародеям феерических покоев, где обитают взаперти принцессы, хорошо известно: там удовлетворяют их малейшее желание, исполняют любую мечту, самую безумную, создавая специально для них бесценные сокровища. Но несметные богатства свои принцессы могут сколь угодно выставлять напоказ, носить, украшать ими себя только в интерьерах своих дворцов, а показываться во всех роскошных одеяниях и при всех украшениях за их стенами им строго запрещено. И в одном из этих дворцов будто из сказок «1001 ночи», пусть и современном, живет молодая и очень красивая принцесса, едва достигшая восемнадцати лет. Хажер Д., любимая супруга (среди четырех жен) ключевой властной фигуры в стране.

Естественно, принцесса Хажер может позволить себе всё, что можно приобрести на сказочные доходы от аравийской нефти. Всё, кроме одного: свободы показать себя другим мужчинам, а не толь-